

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 67-007-5сп

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

«10» мая 2007 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Коннова В.С.

судей Ермолаевой М.А. и Русакова В.В.

рассмотрела в судебном заседании от 10 мая 2007 года кассационное представление государственного обвинителя Привалихина Н.П. на приговор Новосибирского областного суда с участием присяжных заседателей от 17 мая 2006 г., которым

КРАУЗЕ И [REDACTED] **В** [REDACTED], [REDACTED]

- оправдан по ч.1 ст. 209 и п. «а» ч.4 ст.162 УК РФ за непричастностью к совершению преступлений на основании п. 1 ст. 27 УПК РФ.

БОЧАРНИКОВ А [REDACTED] **Б** [REDACTED], [REDACTED]

КОРЕЙКО Е [REDACTED] **Г** [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED], судимый 17 мая 2005 г. по ч. 2 ст.213 УК

РФ к четырем годам лишения свободы условно с испытательным сроком в три года;

ДРУЖИНИН Д [redacted] **А** [redacted], [redacted]
судимый 26 мая 1998 г. по ст. 30 и п. «б» ч.3 ст. 161 УК РФ к трем годам лишения свободы;

ПЕТУХОВ Д [redacted] **А** [redacted], [redacted]
[redacted]

ЕВТЕЕВ В [redacted] **Б** [redacted], [redacted]
[redacted], ранее судимый 5 ноября 2001 г. по ст. 33 и п.п. «а,г,д» ч. 2 ст.161 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы;

- оправданы по ч. 2 ст. 209 и п. «а» ч.4 ст. 162 УК РФ за непричастностью к совершению преступления на основании ч.1 ст. 27 УПК РФ.

Постановлением Новосибирского областного суда с участием присяжных заседателей от 17 мая 2006 г. прекращено уголовное преследование

ДРУЖИНИНА Д [redacted] **А** [redacted], [redacted],

и

ЕВТЕЕВА В [redacted] **Б** [redacted], [redacted],

- за причинение телесных повреждений Ч [redacted] в виде раны височной области справа, кровоподтеков на нижних веках правого и левого глаза, ссадин в лобной области справа и слева, раны на левой ушной раковине, сотрясения головного мозга – за отсутствием в их действиях состава преступления как совершенных в состоянии необходимой обороны.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей от 12 мая 2006 г. признано недоказанным создание Краузе в конце сентября 2004 г. [redacted] вооруженной организованной устойчивой группы (банды) в составе Корейко, Бочарникова, Дружинина, Петухова и Евтеева, совершении ими нападения на Ч [redacted], с целью завладения принадлежащим ему автомобилем и другим имуществом на общую сумму [redacted] рублей.

Вместе с тем, вердиктом коллегии присяжных заседателей признано доказанным, что после приезда Дружинина и Евтеева на автомашине последнего к месту нахождения Ч [redacted] и Корейко Е.Г. около 22 часов 9

ноября 2004 г. в район автозаправочной станции, расположенной недалеко от телевизионной вышки [REDACTED], когда Ч [REDACTED] произвел из имевшего у него огнестрельного оружия выстрел в направлении Корейко, – Дружинин и Евтеев выбежали из автомашины, подбежали к Ч [REDACTED] и, применив к нему физическую силу, обезоружили его, вследствие чего в результате совместных действий Дружинина и Евтеева Ч [REDACTED] были причинены телесные повреждения в виде раны височной области справа, кровоподтеков на нижних веках правого и левого глаза, ссадин в лобной области справа и слева, раны на левой ушной раковине, сотрясения головного мозга.

Заслушав доклад судьи Коннова В.С., выступление прокурора Филипповой Е.С., поддержавшей кассационное представление по изложенным в нем основаниям, объяснения оправданного Краузе И.В., адвоката Епифановой Н.А., считавших доводы кассационного представления несостоятельными и просивших оставить приговор без изменения, судебная коллегия

установила:

В кассационном представлении государственный обвинитель Привалихин Н.П. просит отменить оправдательный приговор в отношении Краузе, Бочарникова, Корейко, Дружинина, Петухова и Евтеева и постановление о прекращении уголовного преследования в отношении Дружинина и Евтеева и направить дело на новое судебное рассмотрение, ссылаясь на проведение судебного разбирательства с нарушениями уголовно-процессуального законодательства. Государственный обвинитель Привалихин считает, что подсудимые и их защитники доводили до сведения присяжных заседателей придуманные ими данные, положительно их характеризующие; что в присутствии присяжных заседателей стороной защиты исследовались процессуальные вопросы; что судья не создал сторонам обвинения и защиты равных условий по выполнению процессуальных обязанностей; что вопросный лист был сформулирован с нарушениями требований ст.ст. 338 и 399 УПК РФ. Как полагает государственный обвинитель Привалихин, в напутственном слове судья допустил высказывания, которые можно расценить как оценку правильности позиции защиты и критику позиции обвинения. По мнению государственного обвинителя Привалихина, оправдательный вердикт был провозглашен лицом, утратившим статус старшины присяжных заседателей.

Государственный обвинитель Привалихин считает, что вместо прекращения уголовного преследования суду следовало постановить оправдательный приговор и при этом указать пункты, часть, статью УК РФ, по которой прекращено уголовное преследование Дружинина и Евтеева.

В возражениях потерпевшая Ч [REDACTED] полагает, что государственный обвинитель Привалихин незаслуженно обвиняет судью в нарушении своих прав. Она считает, что её права, как стороны обвинения, никаким образом

нарушены не были. В прениях судья предоставил равные возможности выступить всем.

Адвокаты Воронцова Н.М. и Елифанова Н.П. считают в возражениях доводы кассационного представления - несостоятельными.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационного представления и возражений на него, судебная коллегия находит оправдательный приговор в отношении Краузе, Бочарникова, Корейко, Дружинина, Петухова и Евтеева, а также - постановление о прекращении уголовного преследования Дружинина и Евтеева - законными и обоснованными по следующим основаниям.

Формирование коллегии присяжных заседателей проведено в соответствии с действующим законодательством. Как видно из протокола судебного заседания, председательствующим судьей выяснялось у сторон наличие заявлений о роспуске образованной коллегии присяжных заседателей в виду тенденциозности и неспособности вынести объективный вердикт, а также - наличие заявлений о нарушении порядка формирования коллегии присяжных заседателей. Таких заявлений от участников судебного разбирательства не поступило.

Данных о том, что судом с участием присяжных заседателей исследовались недопустимые доказательства или что сторонам было отказано в исследовании допустимых доказательств, не имеется.

Ссылка в представлении на то, что судьей необоснованно была исключена из числа доказательств видеозапись проверки показаний потерпевшего Ч [REDACTED] на месте - несостоятельна.

Согласно ч. 4 ст. 190 УПК РФ, если в ходе допроса проводилась видеозапись, то протокол должен также содержать сведения о технических средствах видеозаписи, о фактах приостановления видеозаписи, причинах и длительности остановки видеозаписи; заявления допрашиваемого лица по поводу проведения видеозаписи.

Сам государственный обвинитель Привалихин заявлял, что «видеозапись надо принимать такой, какая она есть. Никто не может препятствовать восприятию видеозаписи, если по каким-то техническим причинам часть видеоряда была утрачена, возможно, из-за того, что не сработала видеокамера или специалист не смог сделать видеозапись по какой-то причине. Он («я») считает, что видеозапись, хотя и не в полном объеме, но отражает отдельные эпизоды следственного действия» (т.27 л.д.372).

С учетом нарушения указанных требований ч. 4 ст. 190 УПК РФ, а также – того, что в протоколе проверки показаний потерпевшего Ч [] на месте, не указано, кто проводил видеосъемку, что по окончании видеосъемки видеозапись участниками процессуального действия просматривалась и у них не выяснялось, имелись ли у них какие-либо замечания по проведенной видеосъемке.

При таких данных в соответствии с п.3 ч. 2 и ч. 1 ст. 75 УПК РФ видеозапись проверки показаний потерпевшего Ч [] на месте правильно признана недопустимым доказательством (т. 27 л.д.373). (Сам протокол проверки показаний потерпевшего Ч [] на месте признан допустимым доказательством, он оглашался в судебном заседании т.4 л.д. 11-13, т.27 л.289).

Ссылка в представлении на то, что при допросе свидетеля К [], понятой в ходе предварительного следствия, выяснялось:

- адвокатом Карман – предупреждалась ли она об ответственности, разъяснялись ли ей права, обязанности и ответственность понятой;
- адвокатами Воронцовой и Епифановой – обстоятельства, при которых К [] была привлечена к участию в качестве понятой (на каком основании она участвовала в проведении пяти обысков в жилищах подсудимых);
- присяжными заседателями - в одной или разных машинах ехали на проведение следственного действия - проверки показаний потерпевшего Ч [] с выходом на место – понятые и милиционеры;
- является несостоятельной и противоречит содержанию протокола судебного заседания (т. 26 л.д.95-98), а также - имеющимся в материалах дела вопросам присяжных заседателей (т.25 л.д.198-224).

Ссылка в представлении на то, что судья отказал в оглашении показаний свидетеля Д [], [], данных им в ходе предварительного следствия, не свидетельствует о нарушении закона. Давая показания о приходе З [] в магазин « []», Д [] в ходе предварительного следствия пояснял, что было это в начале ноября 2004 г., точно день он не помнит (т.5 л.д. 71).

В судебном заседании свидетель Д [] пояснял, что Ч [] заходил в магазин в 2004 г. , а когда именно - он не помнит (л.д .26 т.27).

При таких данных установление того обстоятельства, что находился ли Ч [] в состоянии опьянения, когда он заходил в магазин « []» и его при этом видел Д [], при неизвестности даты этого события - не входит в предмет доказывания по делу. Кроме того, как следует из предъявленного обвинения, нападение на Ч [] имело место после (около) 22 часов 9 ноября 2004 г. [] рядом с

автозаправочной станцией и наличие (отсутствие) состояния опьянения Ч [] подлежало установлению именно на это время.

Ссылка в представлении на то, что судья необоснованно признал информацию, содержащуюся в протоколе допроса свидетеля А [], данными, характеризующими личность Краузе – также несостоятельна. Как видно из протокола судебного заседания, государственный обвинитель Привалихин просил разрешения судьи огласить показания свидетеля А [], данные им в ходе предварительного следствия, в связи с существенными противоречиями в показаниях в части того, что он (А []) обращался либо не обращался к Краузе с просьбой посодействовать в возврате долга Ч []. Судья разрешил государственному обвинителю Привалихину огласить показания свидетеля А [], но государственный обвинитель огласил не показания А [] в указанной им части, а весь протокол его допроса от 31 января 2005 г. и судья правильно обратился к присяжным заседателям с просьбой не принимать во внимание данные, характеризующие личность подсудимого Краузе и потерпевшего Ч [], которые были озвучены государственным обвинителем Привалихиным при оглашении протокола допроса свидетеля А [] в ходе предварительного следствия и не учитывать их при вынесении вердикта. Такая просьба судьи соответствовала требованиям закона. Сам судья не признавал никакой информации, характеризующей личность Краузе.

Ссылка в представлении на то, что судья запретил исследовать обстоятельства, связанные с обрезом охотничьего ружья, который по версии подсудимых имелся при себе у Ч [] при происшедшем 9 ноября 2004 г., также является несостоятельной. Такого запрета судьей на участников процесса не налагалось.

То обстоятельство, что судьей был снят вопрос подсудимого Корейко к свидетелю Б [] об описании обреза, который он видел у Ч [], не свидетельствует о нарушении закона.

Как пояснял свидетель Б [] в судебном заседании, он и Ч [] стали меньше общаться, Ч [] приходил к нему в гости и у него был обрез, но когда это было – он не помнит (т.26 л.д.88).

Из материалов дела не следует, что к Б [] Ч [] приходил в гости 9 ноября 2004 г. При таких обстоятельствах описание обреза, который был у Ч [] согласно показаний Б [], не относится к событиям происшедшего 9 ноября 2004 г. и установление этих обстоятельств не входило в предмет доказывания по делу.

Ссылка в представлении на то, что судья при допросе потерпевшей Ч [] государственным обвинителем делал ему замечания при постановке

вопросов о наличии телесных повреждений у вернувшегося ночью 10 ноября 2004 г. Ч [] – не в полной мере соответствует фактическим обстоятельствам и не свидетельствует о нарушении закона.

Как видно из протокола судебного заседания, судья разъяснял государственному обвинителю Привалихину при постановке им потерпевшей Ч [] вопроса: «Он (Ч []) с похмелья болел?» недопустимость в присутствии присяжных заседателей ссылаться на данные, характеризующие личность потерпевшего Ч [], а после его же вопроса о том, когда Ч [] стал злоупотреблять спиртными напитками – до или после 9 ноября 2004 г. и ответа Ч [] о том, что ранее Ч [] злоупотреблял спиртными напитками, потом «закодировался» и пять лет не употреблял спиртные напитки, судья разъяснил государственному обвинителю Привалихину и потерпевшей Ч [], что недопустимо в присутствии присяжных заседателей ссылаться на данные, характеризующие личность потерпевшего Ч [], и попросил присяжных заседателей не принимать во внимание указанные данные (т.26 л.д.59, 63-64).

Из протокола также следует, что судья не ограничивал государственного обвинителя Привалихина в постановке вопросов о телесных повреждениях Ч [] при возвращении домой после происшедшего.

При таких обстоятельствах действия судьи при постановке государственным обвинителем Привалихиным указанных вопросов и соответствующего ответа потерпевшей Ч [] соответствовали требованиям закона.

Вместе с тем, установление нахождения (либо ненахождения) Ч [] именно при происшедшем в состоянии опьянения относится к обстоятельствам происшедшего, входит в пределы доказывания по делу и судьей правильно не препятствовалось в выяснении этих данных.

Ссылка в представлении на то, что судья запретил государственному обвинителю довести до сведения присяжных заседателей информацию о прозвищах подсудимых, содержащуюся в протоколе допроса свидетеля М [] в ходе предварительного следствия, также не свидетельствует о нарушении закона.

Как следует из протокола судебного заседания, при допросе свидетеля М [] ему не задавался вопрос о прозвищах подсудимых.

Согласно ч.3 ст.281 УПК РФ суд вправе принять решение об оглашении показаний свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде. Поскольку свидетель М [] не давал в судебном заседании никаких показаний о прозвищах

подсудимых, то и существенных противоречий в этой части в его показаниях не имелось и его показания в ходе предварительного следствия в этой части оглашению в судебном заседании не подлежали.

Вместе с тем, как видно из протокола судебного заседания, судья не препятствовал государственному обвинителю выяснять прозвища подсудимых при исследовании вещественных доказательств – листов с записями (т.28 л.д.12-14, 21).

Согласно предъявленного обвинения, Краузе, работая председателем правления [REDACTED] городской общественной организации – [REDACTED], предложил своему заместителю Бочарникову, а также – знакомым Корейко, Евтееву, С [REDACTED], Дружинину, Петухову, с которыми совместно занимался спортивными играми [REDACTED], участвовать в банде, и по взаимному их согласию руководство бандой было возложено на Краузе.

При таком обвинении выяснение в судебном заседании связей и отношений подсудимых, в том числе – кто являлся председателем клуба [REDACTED], его заместителем – не свидетельствует о нарушении закона и входило в предмет доказывания по банде. С этим же было связано выяснение вопроса о возрасте сына Бочарникова при установлении обстоятельств хранения ружья Бочарникова в квартире (т.27 л.д.127), что вменялось ему в вину по ч.2 ст.209 УК РФ, и времени нахождения в кафе [REDACTED] (согласно предъявленного обвинения, Бочарников, исполняя свою роль в подготавливаемом вооруженном нападении на Ч [REDACTED], находился в помещении кафе [REDACTED]).

С учетом того, что никаких других корыстных преступлений, кроме разбойного нападения на Ч [REDACTED], в вину Бочарникова не вменялось, выяснение вопроса о том, «где Бочарников брал средства к существованию» – в предмет доказывания по делу не входило.

То обстоятельство, что адвокат Мащенко в прениях сослалась на то, что подсудимые примерно одного возраста, проживали в одном городе, вместе учились, работали, отдыхали, пытались зарабатывать деньги, кто-то более успешно, кто-то менее успешно и очень хорошо то, что у Краузе это получалось лучше всех. На ее взгляд, очевидный факт, что подсудимые, занимаясь спортом, приобщали к этому детей, пытались зарабатывать деньги, создавать благополучие в своей семье, не забывали, что они живут в г. [REDACTED] и пытались сделать этот маленький, захолустный городок лучше ... По версии следствия они оказались в одной организованной группе для того, чтобы совершить разбойное нападение ... Не добыто никаких доказательств, подтверждающих, что подсудимые объединились в банду для совершения преступлений. Подсудимые просто жили, работали, старались получать от

жизни удовольствие и еще приносить людям пользу» – не свидетельствует о нарушении закона.

Согласно ч.8 ст.335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Как видно из протокола, указанные данные адвокатом Мащенко сообщались для опровержения необходимых признаков банды (организованности, устойчивости преступной группы и т.п.), ее подзащитному подсудимому Евтееву предъявлялось обвинение по участию в банде.

Из протокола судебного заседания следует, что потерпевшая Ч [REDACTED], которой задавался вопрос о стоимости машины, в присутствии присяжных заседателей поясняла, что в связи со вступлением в наследство она готовила документы и фирмой по оценке машина была оценена в [REDACTED] рублей (т.26 л.д.67-68). Государственным обвинителем Привалихиным было заявлено ходатайство об оглашении в судебном заседании отчета об оценке рыночной стоимости автомашины и приобщении его копии к материалам дела. Судьей было удовлетворено это ходатайство, отчет об оценке рыночной стоимости автомашины, произведенной по заказу Ч [REDACTED], был оглашен в судебном заседании, его копия приобщена к делу (т.27 л.д.56; т.25 л.д.129-134). Ни адвокат Воронцова в прениях, ни судья в напутственном слове, как видно из материалов дела, не ссылались на стоимость автомашины в [REDACTED] рублей.

При таких данных нарушения закона в части указанной ссылки представления не усматривается.

Кроме того, данные о стоимости автомашины не могут влиять на приговор при оправдательном вердикте присяжных заседателей.

Ссылка в представлении на то, что судья нарушал установленный законом порядок исследования доказательств, не влияет на вердикт присяжных заседателей о недоказанности деяний, вменявшихся в вину, и недоказанности их совершения подсудимыми.

Кроме того, как видно из материалов дела, государственный обвинитель Привалихин предлагал провести исследование доказательств в следующем порядке: если подсудимые согласятся давать показания первыми, то судебное следствие начать с их допроса (они не согласились давать показания в начале судебного следствия); если же они не согласятся давать показания первыми, то судебное следствие следует начать с допроса потерпевших Ч [REDACTED], П [REDACTED], затем допросить свидетелей сторон обвинения и защиты согласно списка при обвинительном заключении и огласить письменные материалы дела. Первыми были допрошены потерпевшая Ч [REDACTED] и П [REDACTED]. После окончания сторонами

допроса потерпевшего П [REDACTED], в соответствии с ходатайством государственного обвинителя Привалихина были оглашены и исследованы показания потерпевшего П [REDACTED], данные им в ходе предварительного следствия. Оглашение показаний потерпевшего П [REDACTED] после окончания его допроса в судебном заседании не противоречит закону (ст.ст.277, ч.3 ст.278 и ч.3 ст.281 УПК РФ). Сам государственный обвинитель Привалихин заявлял ходатайство об изменении порядка исследования доказательств по делу, допросе явившихся свидетелей стороны обвинения и последующем оглашении показаний потерпевшего П [REDACTED], данных им в стадии предварительного расследования, с чем судья согласился (т.26 л.д.77-78, 94-95). В дальнейшем свидетели допрашивались по мере их явки и принудительного привода в судебное заседание, что не противоречит закону.

Ссылка на то, что судья немедленно не огласил показания потерпевшего Ч [REDACTED], данные им в ходе предварительного следствия, по заявлению ходатайства государственным обвинителем Привалихиным, также не влияет на содержание вердикта коллегии присяжных заседателей, не влечет за собой отмену приговора и не свидетельствует о нарушении закона.

Как видно из материалов дела, 29 февраля 2006 г. при решении вопроса о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся свидетелей, в том числе – К [REDACTED], защитник Епифанова просила обеспечить явку свидетеля К [REDACTED] для допроса в целях разъяснения заключения судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Ч [REDACTED]. После этого государственным обвинителем Привалихиным было заявлено ходатайство об оглашении показаний потерпевшего Ч [REDACTED], данных им в ходе предварительного следствия, в связи с его смертью. Сторона защиты, возражая против удовлетворения ходатайства, заявляла, что при отсутствии допроса потерпевшего Ч [REDACTED] в судебном заседании, его показания в ходе предварительного следствия являются письменными материалами дела, оглашение которых должно следовать после окончания допросов; что документов о смерти Ч [REDACTED] не представлено и что в связи с наличием сомнений в психическом здоровье Ч [REDACTED] на момент дачи им показаний, необходим предшествующий допрос К [REDACTED], после чего стороной защиты будет решаться вопрос о заявлении ходатайства о допустимости (недопустимости) показаний потерпевшего Ч [REDACTED] и оглашение показаний потерпевшего Ч [REDACTED] в такой ситуации может повлиять на мнение присяжных заседателей с точки зрения предубежденности о виновности подсудимых.

При таких данных судья правильно пришел к выводу о преждевременности оглашения показаний потерпевшего Ч [REDACTED] данных им в ходе предварительного следствия.

28 февраля 2006 г. адвокатом Карман было подано ходатайство о назначении повторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении Ч [] (т.25 л.д.115-120).

2 марта 2006 г. государственным обвинителем Привалихиным было заявлено ходатайство об оглашении в судебном заседании свидетельства о смерти Ч [] и приобщении к делу его копии, которое было удовлетворено (т.26 л.д.190), после чего в судебном заседании был продолжен допрос свидетелей.

13 марта 2006 г. в судебном заседании были допрошены эксперты К [], В [], Ш [] (т.27 л.д.15-25, 29-37), а также – продолжен допрос свидетелей.

14 марта 2006 г. государственным обвинителем Привалихиным вновь было заявлено ходатайство об оглашении показаний потерпевшего Ч [] и принудительном приводе неявившихся свидетелей (т.27 л.д.56). С учетом заявления стороны защиты о том, что допрос свидетелей не окончен и готовится ходатайство о назначении повторной судебно-психиатрической экспертизы Ч [] в целях разрешения вопроса о допустимости его показаний в качестве доказательств, судья правильно отложил разрешение ходатайства об оглашении показаний потерпевшего Ч []. 15 марта 2006 г. был продолжен допрос свидетелей и адвокатом Карман было заявлено ходатайство о назначении повторной посмертной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении Ч [] (т.27 л.д.76), которое было разрешено судьей 20 марта 2006 г., после чего вновь был продолжен допрос свидетелей. После допроса свидетеля М [] государственный обвинитель Привалихин заявил ходатайство об оглашении показаний потерпевшего Ч [] которое было удовлетворено судьей (т.27 л.д.82-83, 89-90).

При таких обстоятельствах нарушений закона при оглашении показаний умершего потерпевшего Ч [] которые влекли бы за собой отмену приговора, постановления о прекращении уголовного преследования – не усматривается.

Из протокола судебного заседания не следует, что со стороны председательствующего судьи проявлялись предвзятость или заинтересованность по делу.

Судебное следствие проведено с учетом требований ст.335 УПК РФ, определяющей его особенности в суде с участием присяжных заседателей. При его окончании ходатайств о дополнениях от сторон не поступило.

Выяснив об отсутствии у участников судебного разбирательства дополнений к судебному следствию, председательствующий судья выяснял у

них, не находят ли они, что в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения закона, которые могут поставить под сомнение законность и обоснованность последующих судебных решений, и если такие нарушения закона были допущены, то могут ли они быть устранены в этой стадии судебного разбирательства. Все участники судебного разбирательства, в том числе – государственный обвинитель, заявили, что они не находят, что в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения закона, которые могут поставить под сомнение законность и обоснованность последующих принятых судебных решений (т.28 л.д.43).

Нарушений принципа состязательности сторон в судебном заседании не допущено.

В своих показаниях подсудимые не сообщали данных о своей личности, в том числе – возрасте, семейном положении, длительности содержания под стражей.

Ссылка в представлении на то, что когда государственный обвинитель в прениях сослался на показания потерпевшего Ч [REDACTED], [REDACTED] в ходе предварительного следствия о том, что «из личного общения он знает, что Краузе давно руководит бандой, в которую входили подсудимые», судья прервал его и разъяснил недопустимость ссылаться на те доказательства, которые не были представлены присяжным заседателям – не свидетельствует о нарушении закона.

Как следует из материалов дела, в судебном заседании по ходатайству государственного обвинителя были оглашены показания потерпевшего Ч [REDACTED], данные им в ходе предварительного следствия на л.д.5-7, 11-13, 16-17, 28-30, 31-32, 33, 34, 45-46, 47-48 т. 4 (т.27 л.д.89-90). Из оглашенных показаний потерпевшего Ч [REDACTED] видно, что в указанной части показаний он пояснял, что «Краузе руководит этой группой и уже давно» (т.4 л.д.6) и «тогда-то он и понял, что действиями всех лиц, которые совершили на него нападение, руководит Краузе» (т.4 л.д.30). Из оглашенных показаний потерпевшего Ч [REDACTED] следует, что он не давал показаний о том, что Краузе давно руководит бандой. При таких данных действия судьи соответствовали требованиям закона (ч.4 ст.292; ч.3 ст.336 УПК РФ).

Ссылка в представлении на то, что судья обращался при этом к присяжным заседателям и стороне защиты с вопросом, оглашались ли показания потерпевшего Ч [REDACTED] в указанной части – является несостоятельной и противоречит протоколу судебного заседания (т.28 л.д.440).

Ссылка в представлении на то, что присяжным заседателям предстояло ответить на вопрос, доказано ли обвинение Краузе в создании банды и обвинение другим подсудимым – о вступлении в банду, а судья запретил

государственному обвинителю высказываться в прениях о признаках банды (вооруженности, устойчивости и др.) – также является несостоятельной и противоречит протоколу судебного заседания, из которого следует, что судья не налагал указанного запрета на выступление государственного обвинителя в прениях. Как видно из протокола, в прениях государственный обвинитель указывал признаки банды (организованность, устойчивость, стабильность состава, вооруженность и др.), раскрывал их содержание и обосновывал их наличие (т.28 л.д.435 и др.), судья не запрещал ему давать свои разъяснения по обстоятельствам преступлений.

Ссылка в представлении на то, что в прениях адвокат Воронцова разъяснила присяжным заседателям «правила» оценки доказательств, которые заключались, по ее мнению, в запрете прокурору обосновывать обвинение косвенными доказательствами и прочла курс обучения основам права об отличии прямого доказательства от косвенного, - не может являться основанием к отмене приговора и постановления и не в полной мере соответствует содержанию протокола судебного заседания. Как следует из протокола судебного заседания, в прениях адвокат Воронцова высказала следующее свое мнение, что в соответствии со ст.49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступлений считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Также подсудимые не обязаны доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности должны быть истолкованы только в пользу подсудимых, обвинение не может строиться только на косвенных доказательствах. То обвинение, которое предъявлено ее подзащитному Дружинину, должно было строиться на очень серьезных доказательствах, но она считает, что ни одного бесспорного, не вызывающего сомнения доказательства, изобличающего Дружинина, в судебном заседании добыто не было (т.28 л.д.478). Никакого курса обучения основам права об отличии прямого доказательства от косвенного – адвокат Воронцова не читала, ни о каких запретах государственному обвинителю не говорила.

Кроме того, как видно из напутственного слова председательствующего судьи коллегии присяжных заседателей, он разъяснил им правила оценки доказательств, которыми они должны руководствоваться при ответах на поставленные вопросы. При этом председательствующий судья правильно обращал их внимание на то, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Оценивать все доказательства они должны по своему внутреннему убеждению, независимо от того, что говорили по соответствующему поводу сторона обвинения, сторона защиты, иные участники судопроизводства...» (т.25 л.д.233-235).

Выслушав напутственное слово, присяжные заседатели заявили, что дополнительных разъяснений им не требуется (т.28 л.д.496).

Таким образом, судьей правила оценки доказательств присяжным заседателям были разъяснены и были им понятны.

Ссылка в представлении на то, что подсудимые в прениях довели до сведения присяжных заседателей о наличии у них детей – несостоятельна и противоречит содержанию выступления подсудимых в прениях, приведенному в протоколе судебного заседания.

Ссылки на то, что в прениях подсудимый Евтеев сообщил присяжным заседателям, что потерпевшего П [] запугали работники милиции и тот дал нужные им показания; а адвокат Карман сообщил им, что потерпевшего П [] уговорили дать нужные показания потерпевший Ч [] и работники милиции - являются несостоятельными и противоречат содержанию выступлений в прениях подсудимого Евтеева и адвоката Карман (т.28 л.д. 465-468, 471-472).

Ссылка на то, что подсудимый Корейко в последнем заявлял, что его обвиняют в совершении тяжких преступлений, а в банду он не вступал, разбойного нападения не совершал; что он – нормальный молодой мужчина, ему – [] года, у него есть молодая, очень красивая жена, которую он очень сильно любит – не может являться основанием для отмены приговора. поскольку молодость Корейко видели сами присяжные заседатели, его обвинение было им доведено государственным обвинителем, его позиция по обвинению была известно, а судьей присяжные заседатели предупреждались о том, чтобы они не принимали во внимание слова Корейко по данным, характеризующим его личность, и не учитывали их при вынесении вердикта (т.28 л.д.492).

Аналогичное предупреждение делалось судьей и при сообщении подсудимым Евтеевым в последнем слове, что красивее его жены и детей нет никого (т.28 л.д.493).

Как видно из протокола, подсудимый Краузе в последнем слове заявил, что, говорят, государство погибает, когда перестает отличать хороших людей от плохих. Так поступает и государственный обвинитель Привалихин, который не оценивает объективно доказательства по уголовному делу, свидетельствующие о невиновности подсудимых (т.28 л.д.469). Данное высказывание подсудимым Краузе своего мнения не свидетельствует об оскорблении им государственного обвинителя Привалихина и государства, как об этом утверждается в представлении, и является его субъективной оценкой, оно не может являться основанием к отмене приговора.

Ссылка в представлении на то, что подсудимый Дружинин сообщал, что все подсудимые – ранее не судимы – несостоятельна, не соответствует

содержанию протокола судебного заседания, из которого следует, что подсудимый Дружинин такого заявления не делал.

Высказывание подсудимого Дружинина о том, что он – простой, нормальный, здоровый парень, который уже полтора года содержится под стражей из-за какой-то бытовой ситуации (вердиктом признано доказанным, что после производства Ч [] выстрела Дружинин обезоружил его, применив физическую силу, вследствие чего Ч [] были причинены телесные повреждения), из которой раздули такое, что ему самому страшно слушать – бандитизм, разбой. Он – законопослушный человек, «такой же, как и вы» (т.28 л.д.468) – также не может являться основанием для отмены судебных решений, поскольку присяжные заседатели и сами видели Дружинина, его возраст, состояние, что он содержится под стражей, а судьей прекращено его уголовное преследование за нанесение Ч [] телесных повреждений по мотиву нахождения его в состоянии необходимой обороны. Присяжным заседателям также были известны показания подсудимого Дружинина об обстоятельствах происшедшего, субъективную оценку которым он и давал, и позиция государственного обвинителя, считавшего показания подсудимого Дружинина недостоверными. Оценка доказательств присяжные давали в совещательной комнате, в отсутствие постороннего влияния.

Как видно из протокола судебного заседания, после окончания судебных прений и выступлений подсудимых с последним словом председательствующий судья выяснял у присяжных заседателей, не утратили ли они объективности, не сформировалось ли у них мнение о виновности либо невинности подсудимых и те на поставленные вопросы дали отрицательные ответы (т.28 л.д.495-496).

Вопросный лист сформулирован судьей в соответствии с требованиями ст.ст.338, 339 УПК РФ.

Ссылки в представлении государственного обвинителя в отношении вопросов – противоречивы. Ссылаясь на то, что судьей ему были переданы 16 вопросов, государственный обвинитель Привалихин утверждает в представлении, что он возражал против постановки вопроса № 39, но судья не принял во внимание его доводов.

Как следует из протокола судебного заседания, судьей были доведены до сторон первоначальные вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и было разъяснено право участников судебного разбирательства высказать свои замечания по содержанию вопросов, их формулировке, по постановке новых вопросов. Выслушав мнение участников судебного разбирательства по первоначально подготовленным вопросам, судья в совещательной комнате окончательно сформулировал вопросы, подлежащие

разрешению присяжными заседателями, внес их в вопросный лист и после оглашения вопросного листа передал его старшине присяжных заседателей.

По смыслу закона, окончательное формулирование вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, в том числе – их количество, является исключительной компетенцией судьи и возражения у кого-либо из сторон, в том числе – государственного обвинителя, по вопросам обязательного значения для судьи не имеют.

Передача сторонам окончательно сформулированных вопросов, вносимых в вопросный лист, законом не предусмотрена и таких ходатайств, как видно из протокола судебного заседания, не заявлялось.

Ссылка в представлении на то, что в вопросах №№ 40-44 сформулированы вопросы признания виновности Дружинина и Евтеева в совершении деяния, по которому государственным обвинителем не предъявлялось обвинение и не поддерживалось обвинение – не влияет на законность судебных решений. Вопросы №№ 41 и 44 не относятся к виновности Дружинина и Евтеева, они связаны со снисхождением к ним (заслуживают они снисхождения или не заслуживают). Кроме того, в соответствии с действующим законодательством государственный обвинитель не обладает компетенцией по предъявлению обвинения (что входит в компетенцию органов предварительного расследования). По предъявленному подсудимым обвинению, в том числе по разбою, поддержанному государственным обвинителем, судьей были внесены соответствующие вопросы в вопросный лист, в том числе - вопросы №№ 20, 24, 25, 27, 28.

Согласно предъявленного обвинения, Дружинину, Евтееву было предъявлено обвинение по п. «а» ч.4 ст.162 УК РФ, в объем которого входило, что они при разбойном нападении на Ч [REDACTED], действуя согласованно и совместно, стали умышленно наносить удары руками и ногами по различным частям тела Ч [REDACTED], в результате чего Ч [REDACTED] были причинены телесные повреждения в виде единой черепно-мозговой травмы в виде раны в височной области справа, кровоподтеков на нижних веках правого и левого глаза, ссадин в лобной области справа и слева, раны на левой ушной раковине, сотрясения головного мозга – относящейся к легкому вреду здоровью.

Вопрос № 20 был поставлен судьей в соответствии с предъявленным обвинением по п. «а» ч.4 ст.162 УК РФ. Коллегия присяжных заседателей дала отрицательный ответ на этот вопрос, признав недоказанным эти действия.

Вместе с тем, обоснованно, в соответствии с требованиями ч.1 ст.338 УПК РФ, с учетом результатов судебного следствия и прений сторон, к которым относится не только государственный обвинитель, но и адвокаты и

подсудимые, судьей были сформулированы и внесены в вопросный лист вопросы №№ 39, 40, 42, 43.

Указанные вопросы поставлены судьей в соответствии с требованиями ч.3 ст.339 УПК РФ – о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности Дружинина и Евтеева и изменяют ее характер – об их виновности в совершении менее тяжкого деяния (доказано ли, что Дружинин (Евтеев) после приезда с другим лицом около 22 часов 9 ноября 2004 г. в район автозаправочной станции, увидев, что Ч [] произвел выстрел из имевшегося у него огнестрельного оружия в направлении Корейко, из-за чего Дружинин (Евтеев) выбежали из автомашины, подбежали к Ч [], применили к нему физическую силу и обезоружили его и вследствие совместных действий Ч [] были причинены телесные повреждения в виде раны височной области справа, кровоподтеков на нижних веках правого и левого глаза, ссадин в лобной области справа и слева, раны на левой ушной раковине, сотрясения головного мозга и виновны ли Дружинин (Евтеев) в совершении описанных действий?).

При таких данных содержание вопросов 39, 40, 42 соответствует требованиям ст.339 УПК РФ и противоречий в ответах присяжных вопросов на отдельные вопросы № 20 и №№ 39, 42 не имеется.

Напутственное слово председательствующего судьи (т.25 л.д.226-236; т.28 л.д.496) соответствует требованиям ст.340 УПК РФ. Никаких реплик адвокатов, направивших напутственное слов судьи, никаких ссылок на правильность заявлений адвокатов о том, как надо голосовать, как заполнять вопросный листа, как оценивать позицию стороны защиты по правилам обсуждения вердикта, как это следует из напутственного слова и протокола судебного заседания, не было.

Оговорка судьи в напутственном слове судьи в той части, что прокурор посчитал недоказанным обвинение подсудимых в похищении паспортов и других важных личных документов Ч [] и П [] (постановлением от 26 апреля 2006 г. уголовное дело по ч.ч.1 и 2 ст.325 УК РФ было прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения за отсутствием в действиях подсудимых состава преступления) не может являться основанием для отмены приговора, поскольку в вопросный лист не вносились вопросы по указанной части обвинения и присяжные заседатели на их ответов не давали. Кроме того, отказ государственного обвинителя от обвинения по ч.ч.1 и 2 ст.325 УК РФ имел место в прениях и присяжные заседатели лично и непосредственно выслушивали государственного обвинителя по мотивам отказа от поддержания обвинения и эти мотивы были им известны. При этом сам государственный обвинитель Привалихин, отказываясь от обвинения в этой части, также заявлял, что «обвинение подсудимых в совершении похищения официальных документов... не нашло своего подтверждения... Версия о том,

что заранее имелась договоренность о хищении указанных документов, в ходе судебного следствия не подтвердилась» (т.28 л.д.433-434).

Кроме того, как следует из протокола судебного заседания, после напутственного слова судья предоставил сторонам право заявить возражения в связи с содержанием напутственного слова по мотивам нарушения принципа объективности и беспристрастности и у государственного обвинителя таких возражений не имелось (т.28 л.д.496).

При таких данных ссылка в представлении на то, что в напутственном слове судья допустил высказывания, которые можно расценить как оценку правильности позиции защиты и критику позиции обвинения, является несостоятельной и противоречит материалам дела.

Как следует из протокола судебного заседания, после трех часов 20 минут совещания коллегия присяжных заседателей возвратилась из совещательной комнаты, старшина коллегии передала судье заполненный вопросный лист, судья, проверив правильность заполнения вопросного листа, признал вердикт ясным, не содержащим противоречий, после чего старшина присяжных заседателей провозгласила вердикт. В связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта председательствующий судья объявил подсудимых оправданными и они были освобождены из-под стражи. Судья поблагодарил присяжных заседателей и объявил об окончании их участия в судебном разбирательстве. Судебное заседание было продолжено без участия присяжных заседателей (т.28 л.д.496-497).

Указанные действия по провозглашению вердикта и действия судьи после провозглашения вердикта соответствуют требованиям ст.ст.345 и 346 УПК РФ, а ссылки в представлении в этой части являются несостоятельными и противоречат протоколу судебного заседания.

Вердикт присяжных заседателей по указанным вопросам №№ 20, 24,25, 27, 28 и 39, 40, 42, 43 был обсужден в соответствии с требованиями ст.347 УПК РФ и правильно послужил основанием для постановления судьей приговора и вынесения постановления о прекращении уголовного преследования Дружинина и Евтеева за причинение ими в состоянии необходимой обороны телесных повреждений Ч [REDACTED].

Сам государственный обвинитель Привалихин в прениях заявлял, что действия Дружинина, как установлены вердиктом, не содержат состава преступления – защита жизни одного лица от неправомерного посягательства другого – не образует состава преступления.

Поскольку по действиям Дружинина и Евтеева, признанным доказанными по вопросам №№ 39, 42, отдельного обвинения не предъявлялось,

то судья, прекращая уголовное преследование за эти действия как совершенные в состоянии необходимой обороны, правильно не давал их квалификации и вопрос о прекращении уголовного преследования за эти действия обоснованно решал в постановлении.

Ссылка в представлении на ст.254 УПК РФ несостоятельна, поскольку суд не руководствовался ею при вынесении постановления о прекращении уголовного преследования.

Также несостоятельна ссылка на то, что при вынесении данного постановления суд учитывал мнение стороны защиты. Данное указание в постановлении относится к тому, что в этой части вердикт коллегии присяжных заседателей был вынесен с учетом позиции защиты (вопросы №№ 39, 40, 42,43 были сформулированы с учетом позиции защиты).

Ссылка в представлении на то, что имеется указание в постановлении об установлении присяжными заседателями события преступления – не основано на вердикте и материалах уголовного дела, противоречит содержанию вердикта и постановления о прекращении уголовного преследования.

Ссылка на то, что государственный обвинитель в реплике к прениям, а также – в самих прениях, высказал мнение о необходимости роспуска коллегии присяжных заседателей на основании ч.5 ст.348 УПК РФ, которое не было учтено судом – не основана на законе, поскольку вердикт присяжных заседателей для сторон – к которым относится и государственный обвинитель – обязателен и государственный обвинитель не имел права ставить вопрос о роспуске коллегии присяжных заседателей по указанному им основанию. Часть 5 ст.348 УПК РФ относится к исключительным полномочиям председательствующего судьи. По данному делу оснований к роспуску коллегии присяжных заседателей после вынесения ею вердикта – у судьи не имелось.

Поданные государственным обвинителем Привалихиным замечания на протокол судебного заседания рассмотрены в установленном законом порядке председательствующим судьей. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обжалования постановления судьи по результатам разрешения поданных на протокол судебного заседания замечаний.

Нарушений уголовно-процессуального законодательства, влекущих отмену приговора и постановления о прекращении уголовного преследования Дружинина и Евтеева за причинение телесных повреждений Ч [REDACTED], из материалов дела не усматривается.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст.377, 378 и 338 УПК РФ, судебная коллегия

определила:

Приговор Новосибирского областного суда с участием присяжных заседателей от 17 мая 2006 г. в отношении Краузе И [REDACTED] В [REDACTED], Бочарникова А [REDACTED] Б [REDACTED], Корейко Е [REDACTED] Г [REDACTED], Дружинина Д [REDACTED] А [REDACTED], Петухова Д [REDACTED] А [REDACTED], Евтеева В [REDACTED] Б [REDACTED] и постановление того же суда от 17 мая 2006 г. о прекращении уголовного преследования Дружинина Д [REDACTED] А [REDACTED] и Евтеева В [REDACTED] Б [REDACTED] за причинение телесных повреждений Ч [REDACTED] [REDACTED] – оставить без изменения, а кассационное представление государственного обвинителя Привалихина Н.П. – оставить без удовлетворения.

Председательствующий – Коннов В.С.

Судьи – Ермолаева Т.А. и Русаков В.В.

Верно: судья [REDACTED] В.С.Коннов